

Корнилов Владимир
(поэт)

13.08.03.

Покуда над стихами плачут...

Культура. — 2003 — 7-13 авг. — с. 4

Поэту Владимиру Корнилову исполнилось бы 75

Владимир Корнилов хорошо известен людям старшего возраста. Однако молодые уже не знают о нем. И дело не только в том, что его стихов, как и стихов многих поэтов, не видно на полках книжных магазинов. Причина в самой судьбе автора, его характере...

Как вспоминают люди, близко знавшие поэта, у Корнилова всегда была бурная, обостренная реакция на все события. Человек-вулкан. Поэтому он часто попадал в сложные ситуации, не умел приспособливаться к обстоятельствам. Неудивительно, что жизнь его не баловала...

Владимир Николаевич Корнилов родился 29 июня 1928 года в Днепропетровске в семье инженера-строителя.

Летом 1945-го Корнилов поступает в Литературный институт имени Горького. Приемная комиссия сочла его сыном репрессированного поэта Бориса Корнилова (автора песни "Не спи, вставай, кудрявая"), и в ту пору недолгих послевоенных надежд, несмотря на большой конкурс, это помогло ему поступить.

Публиковаться Корнилов начал в 1953 году. В 1961-м участвовал в знаменитом сборнике "Тарусские страницы". Первая книга стихов "Пристань" вышла в 1964-м. Книга была маленькая, как он сам говорил, "ощипанная цензурой", а поэту было уже 36 лет, и написано было много, да и время было очень поэтическое... Концерты в Политехническом, полные стадионы... Корнилов практически не выступал — его к эстраде не тянуло, к тому же он не умел приспособливаться к аудитории, да и не стремился к этому.

Сам поэт считал себя лириком, хотя серьезная часть его творчества посвящена отношениям человека и власти, человека и общества, больше всего его волновало и в русской истории, и в русской жизни неуважение к человеческому достоинству. Собственно, это и толкало его на защиту людей, пострадавших от власти.

В 1966 году Корнилов подписал письмо, написанное Лидией Корнеевной Чуковской в защиту арестованных Ю.Даниэля и А.Синявского.

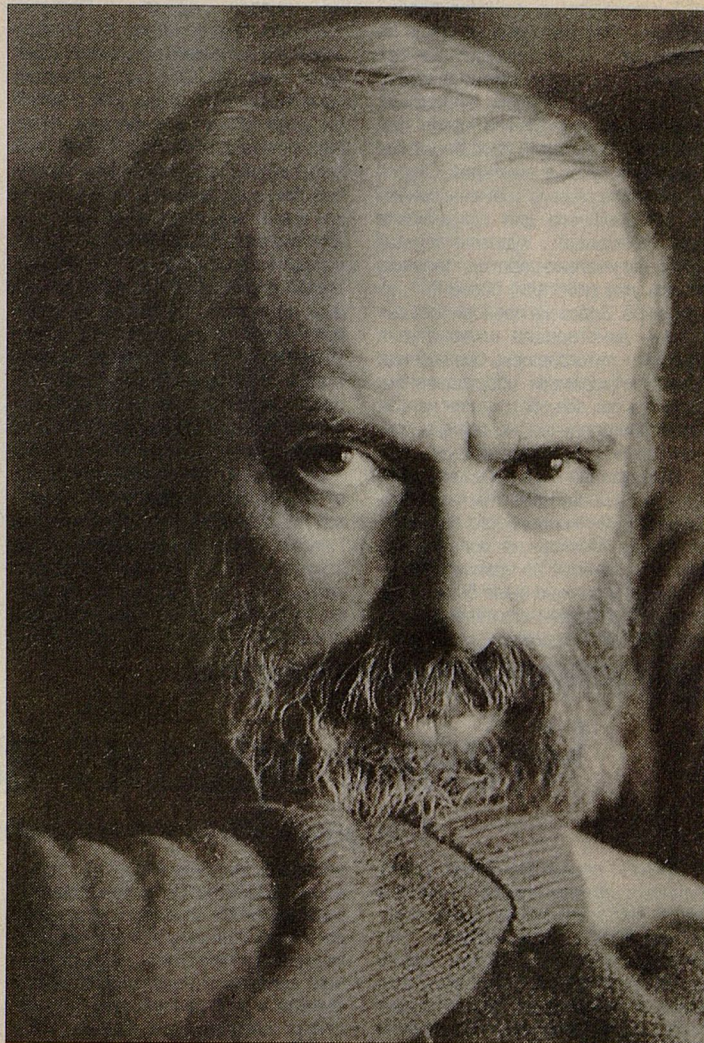
Затем начались процессы: в конце 60-х — А.Гинзбург, Ю.Галанцова, В.Лашковой и многих других, в 70-е за правозащитную деятельность исключили из Союза писателей Л.Чуковскую, В.Войновича, выслали А.Солженицына. И снова были письма на защиту.

Вдова поэта, Лариса Георгиевна Беспалова, вспоминает: "Из-за того, что Володя подписывал много писем, ему становилось все труднее печататься... До 1973 года у него вышли всего две небольшие книжки стихов (кроме "Пристани", еще и "Возраст"), а к этому времени у него уже были написаны две повести и роман: повесть "Без рук, без ног" про подростка, который, осваивая мир вокруг, видит его несправедливость, повесть "Девочки и дамочки" — о Москве в начале войны, о женщинах в экстремальных условиях. Последнюю взял "Новый мир", она прошла через редколлегия, была сдана в набор. Во-

лодя прочел верстку. Но к этому времени у "Нового мира" уже были свои неприятности, и повесть эту, об октябрьской панике в Москве сорок первого года, побоялись напечатать, верстку рассыпали. Для Володи это был страшный удар. Тем более что к этому времени у него в столе лежал еще и роман "Демобилизация", тоже в большей мере автобиографический, связанный с опытом военной службы, про техника-лейтенанта, который хочет из армии вырваться... Володя понял, что ему здесь не печататься... А ему так нужно было печататься... К этому времени кое-кто уже начал издаваться на Западе. Это влекло за собой серьезные последствия: наседали писательское начальство, КГБ, нажимали родственники, потому что дело грозило отсутствием заработка и крупными неприятностями. Не все выдерживали этот нажим, некоторые писали покаянные письма. Поначалу Володю это останавливало, потому что по его характеру такой шаг был бы невозможен, это его сломало бы: он был слишком цельной натурой... Но глухое время душило его, ему нужен был выход. В 1973 году он сделал со своих рукописей микрофильмы (иначе их нельзя было переправить) и отослал свою прозу на Запад. Владимир Максимов опубликовал повесть "Без рук, без ног" в первом и втором номерах нового журнала "Континент", который после своего отъезда он стал издавать за границей.

Володю тут же перестали печатать в СССР. Причем не только стихи и прозу, но и переводы, а они в основном и давали средства к существованию. Выжить в этих условиях без помощи друзей было бы не только трудно, но и едва ли возможно. Очень помогал Николай Давыдович Оттен, один из издателей "Тарусских страниц", он доставал переводы. Прозаические переводы подписывал сам, стихотворные переводы — Алексей Кириллович Симонов. Также доставал переводы близкий друг Володи, редактор издательства "Советский писатель" Виктор Сергеевич Фогельсон. Они выходили под фамилиями поэтов Леонида Завальнюка и Евгения Храмова. В восьмидесятые годы некоторые переводы подписывала Татьяна Бек.

Писатель Борис Хазанов, который перед эмиграцией работал в журнале "Химия и жизнь", давал ему рецензировать самотечные рукописи, часть рецензий подписывала я, часть — его друг, критик Бенедикт Михайлович Сарнов. После отъезда Хазанова эту работу продолжали давать другие сотрудники журнала — до сих пор не знаю, известно ли им было, кто на самом деле писал эти рецензии. Сарнов подписывал и внутренние рецензии, которые Володе давала в "Новом мире" сотрудница отдела прозы Наталья Долотова... Годы были тяжелые, но вместе с тем это были годы взаимопомощи и взаимоподдержки... В начале перестройки мы прочли статью замечательного режиссера Алексея Германа, где он писал, что после неприятностей его дом

В. Корнилов

опустел. У нас, наоборот, в годы застоя гостей хватало, не хватало стульев...

В начале 1977 года он вместе с Л.Копелевым, В.Войновичем, Л.Чуковской и отцом Сергием Желудковым подписал письмо в защиту Андрея Дмитриевича Сахарова, его исключили из Союза писателей СССР. По тогдашним советским законам он стал считаться тунеядцем. К нему приходили из милиции. Власть явно хотела, чтобы Корнилов уехал, поэтому ему постоянно задавали один и тот же вопрос: "Почему вы не уезжаете? Ведь все люди вашей судьбы уезжают..."

И действительно, многие уезжали. Но Корнилов уезжать не хотел. Он считал: на людях, занимающихся правозащитной деятельностью, лежит большая ответственность, в частности, не следует давать повод для обывательских разговоров о том, что правозащитники протестуют "под отъезд", чтобы их лучше приняли на Западе. Ну и, конечно же, был уверен — поэту плохо жить вне родной языковой среды.

А на Западе прозу Корнилова публиковали, ее переводили на разные языки. Позию же, за исключением большой подборки в "Континенте" и стихотворения "Вечера на сахаровской кухне", написанного специально для сборника к 60-летию Андрея Сахарова в 1981 году, он на Западе не публиковал.

На родине стихи поэта снова увидели свет лишь в конце 1986 года. В 1988 году Корнилова восстановили в Союзе писателей, тогда же вышла его первая, после двадцатилетнего перерыва, книга стихов "Надежда". Свое первое "Избранное" он выпустил лишь в 1991-м, в 63 года. Потом у него выходили книги "Самые мои стихи", "Суета сует", "Вольная поэзия России", "Перемены". В эти годы он писал много статей о русской лирике, главной любви всей его жизни, в 1997-м он собрал их в книгу "Покуда над стихами плачут..."

Владимира Николаевича Корнилова не стало 8 января 2002 года. На памятнике выгравировано четверостишие из его поэмы "Суета сует":

...Тому, кто любит стихи,
Они не дадут пропасть,
И даже скотят грехи —
Не все, так хотя бы часть...

...Одна из его последних статей — напутствие молодым поэтам — посвящена полемике с кушнеровскими строками: "Времена не выбирают, в них живут и умирают". Корнилов считал, что человек не должен покоряться эпохе... И верил, что стихи этому помогают...

Александр
ГЕРАСИМОВ